Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 2 (311). С. 237–243.
Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2026. (2), 237–243.

Научная статья
УДК 81`373.611
DOI: 10.47438/2309-7078_2026_2_237.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НОМИНАЦИИ СОСЛОВИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII–XIX СТОЛЕТИЙ

Евгений Владимирович Шаповаленко[1]

Балтийский федеральный университет имени И. Канта[1]
Калининград, Россия

[1] *Кандидат филологических наук, доцент Института образования и гуманитарных наук, ORCID ID: 0000-0002-7045-4310, e-mail: eshapovalenko1@kantiana.ru*

Аннотация. В статье анализируются словообразовательные номинации социальных групп в русском языке в диахронической перспективе (XI–XIX вв.) на материале правовых памятников: Русской Правды (XI–XII вв.), Соборного уложения 1649 г., Манифеста Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 г., Жалованной грамоты дворянству 1785 г. и Свода законов Российской империи 1835 г. Методология исследования включает структурно-словообразовательный, функционально-семантический и лингвокультурологический анализ в соотнесении с историко-правовым контекстом. Установлено, что ранний этап характеризуется преобладанием однословных номинаций с прозрачной внутренней формой, тогда как в XVII в. доминируют атрибутивные сочетания различного типа. В XVIII–XIX вв. формируется система собирательных существительных с суффиксом *-ств(о)*, отражающая институционализацию сословной структуры.

Ключевые слова: диахроническое словообразование, номинация сословий, соционимы, суффикс *-ств(о)*, субстантивация, атрибутивные конструкции, правовые тексты, социальная стратификация

Для цитирования: *Шаповаленко Е.В.* Словообразовательные модели номинации сословий в русском языке XVII–XIX столетий // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 2. С. 237–243. DOI: 10.47438/2309-7078_2026_2_237.

Введение

Радикальные изменения в социально-экономическом укладе России с начала 90-х гг. XX в., отказ постсоветского государства от декларируемых в конституции СССР основ построения бесклассового общества в пользу апробированной на западе системы социальной стратификации вызвали повышенный интерес к социальной проблематике учёных различных научных направлений – в первую очередь социологов, экономистов, политологов, культурологов. Среди филологических работ, посвящённых социальной тематике, следует выделить изучение социальной лексики представителями екатеринбургской школы [6; 9; 11], работы воронежских исследователей [3; 5], представителей пятигорской школы социолингвистических исследований [7] и др. Изучение языковых средств репрезентации новых социальных явлений в современном русском языке требует ретроспективного взгляда на историю возникновения и ословливания названий социальных групп, что позволит выявить особенности вербализации наименований в их непосредственной связи с историей становления российского социума и государства во всей его многообразной, сложнейшей палитре.

Следует, однако, заметить, что лингвистических работ, непосредственно направленных на изучение языковых средств обозначения сословных образований в ранние периоды становления российской государственности, крайне мало. К ним можно отнести работу Н.Г. Благовой, нацеленную на описание «терминологической системы», применяемой по отношению к зарождающейся социальной стратификации в XVII столетии [1]. Примечательно, что эпоха Петра I, заложившего основы правового регулирования сословных групп, а также продолживших их юридическую кодификацию Екатерины II и других российских монархов, не нашла отражения в работах лингвистов, что определяет новизну предпринятого нами исследования.

Цель работы: выявление и анализ основных словообразовательных моделей, лежащих в основе номинаций российских сословий в обширной диахронической перспективе (с XVII по XIX вв.). Актуальность предпринятого исследования обусловлена как необходимостью восполнения знаний в области изучения средств номинации социальных групп предыдущих исторических эпох, так и возможностью сопоставления способов их образования с актуальными средствами номинации социальных страт в современном русском языке.

© Шаповаленко Е.В., 2026

Материалы и методы исследования

Достижение поставленной цели обусловило использование следующих методов: этимологического, структурно-словообразовательного, функционально-семантического и лингвокультурологического анализа, тесно связанных с социоисторическим контекстом становления и развития российской государственности. Основным материалом исследования послужили: Русская Правда (XI–XII вв.) [20], Соборное уложение 1649 г. [23], Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 г. [18], Жалованная грамота дворянству 1785 г. [12], Свод законов Российской империи 1835 г. [21], а также различные лексикографические источники [13; 16; 17; 22; 25; 26].

Результаты

В России зачатки становления отдельных социальных групп появились в период единения русских земель в Древней Руси, а исчезновение сословного разделения общества датируется событиями 1917 г. в России, ознаменовавшими переход к классовому устройству государства. Согласно наблюдениям историков, первые признаки разделения общества обнаруживаются в XI и XII вв., однако ещё не принимают законодательно закреплённых форм. Только в период создания Московского государства (XVI–XVII вв.) процессы сословного разделения получают вполне отчётливые контуры, которые находят своё отражение в номинациях, зафиксированных в документах данного периода, в первую очередь, в Соборном уложении 1649 года [23].

О скудности литературы по истории сословий в России говорил в своих трудах выдающийся российский историк В.О. Ключевский (1841–1911). Отсутствие научного интереса к данной проблематике учёный объяснял тем, что после трудов «Карамзина в нашей исторической литературе образовались два направления <...> одно из которых обращало преимущественное внимание на историю государства, другое – на историю общества. Исследователи второго направления изучали не столько процесс сословного расчленения русского общества, сколько жизнь народа вообще. Народ – вот что составляло предмет исторических изысканий целого ряда умных и даровитых исследователей и что они считали единственным предметом, достойным исторического изучения» [4, с. 30–31]. Не без горькой иронии В.О. Ключевский указывает, что под термином «народ», который должен покрывать всё общество, разумели «исключительно простонародье». «При таком взгляде на общественное расчленение высшие классы являлись наростом на народном теле, вредным в практическом отношении и бесполезным в научном. Таким образом, история общественных классов превращалась в назидательную или обличительную повесть об отношениях общественного верха к общественному низу, о спасительном единодушии обеих общественных половин или о гибельном их антагонизме. <...> Соответственно такому взгляду главными источниками изучения истории общества выбирались не памятники права, а либо предания о массовых, гуртовых движениях народа, либо жалобы древнерусских публицистов на неправды высших сословий по отношению к народу» [Там же, с. 31–32].

Принимая во внимание то, что процесс юридической кодификации сословий осуществлялся «сверху» и в соответствии с законодательной волей правящих, его научное изучение, безусловно, должно осуществляться на базе документных текстов.

Лексема *сословие* фиксируется в памятниках XV–XVI вв. как многозначное слово со значениями «круг, сообщество», «скопище», «собрание, список, перечень» [22]. С точки зрения дискурсивной принадлежности, лексическую единицу *сословие* представители юридических и социологических наук характеризуют как термин государственного права. Такую характеристику слову давал уже В.О. Ключевский, указывающий, что «сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям. Права дает либо утверждает, а обязанности возлагает государственная верховная власть, выражающая свою волю в законе» [4, с. 2]. В качестве основного критерия сословного разделения историк выделяет экономической положение, которое закрепляется юридическим неравенством [Там же, с. 3]. В словаре В.И. Даля находим следующую дефиницию сословия: «люди общего им занятия, одних прав; звание, состояние, разряд, каста» [13]. Согласно Большому толковому словарю русского языка, это «социальная группа с закреплёнными законом наследственными правами и обязанностями (окончательно сложившаяся на основе классового деления феодального общества)» [16].

Первые сведения о расслоении древнерусского общества находим в «Русской правде» [20], письменном своде законов Древнерусского государства, созданном в XI–XII вв., основные редакции которого – Краткая (Ярослава Мудрого) и Пространная (Владимира Мономаха) – действовали до XV–XVI веков. Примечательно, что данный документ эксплицитным образом узаконивал неравенство различных слоёв населения перед законом: жизнь знатного человека оценивалась в два раза дороже, чем других. Именно на основании различий в размере штрафов («вира») можно проследить, каким образом складывалась система номинаций представителей различных социальных групп. Знатный человек, за убийство которого назначался наибольший штраф (80 гривен), обозначался с помощью сочетания *княжь мужь*. Необязательное с точки зрения современного русского языка указание рядом с обозначением титула существительного *мужь* можно объяснить стремлением повысить в тексте документа статус обозначаемого: слово *мужь* с XI в. употреблялось в высоком стиле («именитый человек» [26, с. 547]), что заметно и в современных употреблениях слова (*ученый муж*, *государственные мужи* и т. п.).

Штраф размером 40 гривен назначался за убийство *людина*. Термин *людин*, согласно наблюдениям Н.Г. Благовой, использовался в качестве микрогиперонима со значением «среднего сословия» [1, с. 8], объединяющего номинации других групп, выделяемых по самым разнообразным признакам: «*аще ли будеть русинъ, или гридь, любо купець, любо тивунъ боярьскъ, любо мечникъ, любо изгои, ли словѣнинъ, то 40 гривенъ положити за нь*» [20, с. 104]. В их число входят обозначения по национальному признаку (*русинъ*, *словѣнинъ*), по роду занятий (*купець*, *конюхъ*, *поваръ*, *ремественикъ* (*ремесленикъ*) и пр.), категоризирующие свободных или полусвободных людей [22]: *гридь* (младший княжеский дружинник), *тивун боярьскъ* (управляющий боярским хозяйством), *мечникъ* (судебный исполнитель, сборщик виры), *яветникъ* (княжеский обвинитель/следователь),

изгои (вышедший из общины) и т. п. В целом, первоначальный этап ословливания социальных групп имел форму существительных с мотивированной внутренней формой, либо реже: заимствований из других языков (*боярин*ъ из тюрк. языков через посредство ст-слав., *князь* – от прагерм. **kuningaz* [25] и т. п.).

В Соборном уложении 1649 г. номинации сословных групп, как отмечает Н.Г. Благова [1, с. 10], располагались на основании «чина»: «*указал государь <...> и бояре приговорили выбрать из столников <...> и из жилцов, из чину по два человека, также всех городов, из дворян и из детей боярских взяти из больших городов <...> из гостей трех человек <...> чтобы его государево царьственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердити и на мере поставить, чтобы те все великие дела, по нынешнему его государеву указу и Соборному Уложенью, впредь были ни чем нерушимы*» [23]. Номинация *жилец* имела конкретное отнесение к месту проживания, они именовались следующим образом: «*чин их таков: для походу и для всякого дела, спят на царском дворе, человек по 40 и болши, и посылают их во всякие посылки*» [15]. Это же слово употреблялось и в более широком значении как эквивалент лиц, относящихся к городским зажиточным сословиям – возможны вариативные номинации *жилецкие люди*, *житийские*, *житейские люди*.

Слово *купец* также имело конкретное и более широкое значение – первое: «ведущие большие оптовые торговые операции между отдельными городами или с иностранными державами» [19, с. 22], второе: «знатное сословие, пользующееся различного рода правами-привилегиями» [1, с. 12]. Названием, обозначающим объединения людей по профессиональному признаку, были *сотни*, конкретизирующие их номинации имели вид устойчивых трёхчленных сочетаний: *люди гостиныя сотни*, *люди суконной сотни*, *люди черных сотен* или *сотенные люди*.

Использование атрибутивных сочетаний с существительным *люди* и определяющим прилагательным было основной словообразовательной моделью этого времени: *боярские*, *дворовые*, *мастеровые*, *приказные*, *служилые*, *тяглые*, *посадские*, *торговые*, *ремесленные*, *мастеровые*, *работные* и др. *люди*. Прилагательные отражали стремление дать имя с помощью прозрачной иконической формы: *тяглые люди* – несущие тягло, то есть состоящие на государственной службе, *промышленные люди* – занимающиеся каким-либо промыслом и т. п.

На фоне преобладания атрибутивных сочетаний типа *служилые люди* и др. особый интерес представляет формирование номинации *крепостной*, связанной генетически с административно-правовой лексикой. Оно образовано от существительного *крепость*, обладавшего двумя значениями: в широком смысле это «Все то, что подтверждает, утверждает достигнутое соглашение о чем-л. (документ, присяга, клятва и т. п.); подтверждение, утверждение)», в узком – «Документ, подтверждающий право на владение кем-, чем-л., а также обязательство, скрепляющее достигнутое соглашение. *Есть, господине, у Ферапонтова манастыря на ту землю крѣпость, грамота жаловалная княжъ Михайлова Ондрѣевича*» [22]. Лексема *крепость* встречается в тексте Соборного уложения более 100 раз именно в описанном выше значении. Там же мы обнаруживаем образованное от неё прилагательное *крепостной* как в сочетании с одушевлёнными существительными (например, *крепостная девка*, *крепостной холоп*), так и в виде субстантива: «*... или которые жонки или девки литовские полонянъки в бояръских дворех выданы замуж за крепостных*» [23].

Юридическое оформление крепостной зависимости, как известно, является предметом дискуссии в исторической науке, где противопоставляются так называемые «указная» и «безуказная» теории закрепощения [см. подробнее 10]: в рамках первой подчёркивается решающая роль законодательных актов, последовательно ограничивавших свободу крестьян и завершившихся их окончательным прикреплением, в то время как вторая, напротив, исходит из постепенного, эволюционного характера закрепощения, складывавшегося сначала на уровне обычая и лишь затем получившего юридическое оформление. В Советской исторической энциклопедии отмечается, что само выражение *крепостное право* «неизвестное законам и актам, было создано в рус. публицистике 19 в. путем модификации применявшегося в законодат. мат-лах 18-19 вв. термина „крепостное состояние", крым определялось сословие частновладельч. крестьян» [24]. С лингвистической точки зрения, однако, принципиально важно, что независимо от характера юридического оформления, в языке XVII в. уже складывается система номинаций, отражающая устойчивые типы зависимости и, впоследствии, само социальное наименование. Начиная с Соборного уложения и в дальнейшем, прилагательное *крепостной* окончательно переходит в существительное *крепостные*, обозначая целое сословие. Таким образом, номинация *крепостной* представляет собой, если следовать терминологии Н.Г. Благовой, гипероним по отношению к системе частных обозначений (*крестьяне*, *холопы*, *дворовые* и др.), зафиксированных в правовых текстах XVII века. В последующем, в XVIII–XIX веках, субстантив *крепостные* закрепляется как основное наименование зависимого крестьянства, одновременно приобретая оценочную нагрузку, связанную с критикой крепостного строя.

Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 г. впервые фиксирует *дворянство* как термин государственного права [18]. В данном случае словообразовательная модель основывается на присоединении к мотивирующей основе суффикса *-ств(о)*, который в современном русском языке реализует значение «совокупность лиц, названных мотивирующим сщ.» (*человек* *человечество*, *воин* *воинство*, *славянин* (*славяне*) *славянство* и т. п.) или же «совокупность лиц, характеризующихся признаком, названным мотивирующим прл.» (*общий* *общество*, *духовный* (*духовное лицо*) *духовенство* и т. п.) [17, с. 645]. Данный формант, однако, может употребляться не только в собирательных существительных типа *духовенство*, но и в абстрактных (*воровство*, *баловство*, *превосходство* [Там же, с. 637]), а вопрос о том, какое из них является первичным, представляется спорным. Общеславянский отвлечённый и обобщённо-собирательный аффикс *-ьств(о)* происходит из сочетания суффикса относительных атрибутивных форм *-ьск-* и древнейшего форманта **-tvo* – А.А. Потебня связывает его с «др.-инд. dква-тва-м = божьство [свойство бога, а потом в слав. (русск., польск.) единич. bystwo]», отмечая при этом, что именно «отсюда некоторые имена»,

сохраняя эту прототипическую семантику свойства, «если применяются ко многим особям, получают собирательное значение» [8, с. 31]. Вслед за некоторыми другими исследователями, проводившими статистический анализ славянских и древнерусских памятников [см. подробнее 2, с. 89–91], мы склонны считать абстрактное значение первичным. По всей видимости, исконно суффикс *-ьство* выражал свойства, состояния или виды деятельности, относимые к лицу или к совокупности лиц, объединённых по какому-либо признаку. Семантическая разветвлённость таких образований, различная степень абстрагированности и присутствие обобщающего собирательного компонента, характеризующего признак, обусловили дальнейшее развитие вторичных, в том числе метонимических, лично-собирательных значений, функционирующих параллельно с исходными абстрактными.

В номинациях сословий анализируемого периода семантика собирательности реализуется в рамках трёхчленной модели: обозначение одного члена (*дворянин*), многих членов как расчленённого множества (*дворяне*) – и всей группы как совокупного множества (*дворянство*)[1]. Данная структурно-морфологическая триада характерна для многих номинаций социальных страт: *купец купцы купечество*, *крестьянин крестьяне крестьянство*, *мещанин мещане мещанство* и т. п.

Особый интерес для анализа моделей номинации сословий представляет Свод законов Российской империи, введённый в действие с 1 января 1835 года [21]. Данный нормативный акт не только фиксирует юридическую структуру общества, но и репрезентирует её в языковой форме, позволяя проследить особенности вербализации сословной стратификации в условиях окончательно сложившейся государственной системы.

Согласно статье второй девятого тома Свода, население империи подразделяется на четыре основных сословия: *дворянство*, *христианское духовенство*, городские обыватели (*мещанство*) и сельские обыватели (*крестьянство*). *Дворянство* внутри данной системы подразделялось на потомственное, личное и почётное, различающиеся по основаниям приобретения статуса и объёму предоставляемых привилегий. *Духовенство*, именуемое также «духовным сословием», включало в себя должности православных священнослужителей (*священники*, *диаконы*) и церковнослужителей (*дьячки*, *пономари*). В данном случае обращает на себя внимание сосуществование двух номинаций – *духовенство* и *духовное сословие*, – что свидетельствует о параллельном функционировании собственно деривационной и аналитической моделей. *Купечество* в Своде описывается как сословие, разделённое на гильдии, что также находит отражение в системе номинаций: принадлежность к определённой гильдии выступает в качестве дифференцирующего признака внутри данной социальной группы. Горожане, не относящиеся к перечисленным выше сословиям, обозначаются как *мещане* – податное сословие (наряду с крестьянством), которое в тексте закона также получает наименование с помощью собирательного существительного *мещанство*. В описании их состава встречаются номинации *ремесленники* или *цеховые*, поскольку занимавшиеся ремеслом городские жители должны были записываться в цехи (по профессии).

Низшее сословие, составлявшее большинство населения Российской империи, обозначается в заголовках соответствующих разделов как *крестьянство*. До реформы 1861 г. внутри него выделялись *помещичьи* и *государственные* крестьяне, а после её проведения вводится юридически значимая номинация *временнообязанные*. Выкупившийся или вольноотпущенный помещичий крестьянин должен был избрать род занятий, то есть фактически сменить сословную принадлежность, приписавшись к другому сословию, например, к мещанам или купцам.

Закон выделял также *казачество* как особое военное сословие в Российской империи. В тексте статьи второй встречаются различные номинации: *казачье сословие*, *казачье состояние*, *казачье звание*, *казачье население*, причём данные обозначения могут сосуществовать даже в пределах одного нормативного акта. Такая вариативность свидетельствует о поиске наиболее адекватной языковой формы для репрезентации специфического социального образования, сочетающего в себе признаки военной, территориальной и сословной организации.

Таким образом, авторы Свода законов Российской империи стремились не только регламентировать права и обязанности различных социальных групп, но и с точки зрения их номинаций, выносимых в заголовки конкретных статей, пытались стратифицировать Россию как состоящую из устойчивых социальных групп. Родовые названия всегда представляли собой собирательные существительные с суффиксом *-ств(о)* как маркера нерасчленимой совокупности; видовые же обозначения реализуются либо в виде атрибутивных сочетаний (*потомственное дворянство*, *государственные крестьяне*), либо посредством субстантивации прилагательных (*цеховые*, *временнообязанные*). Продуктивность указанных моделей сохраняется и за пределами строго юридического дискурса, распространяясь на более поздние номинации, не кодифицированные данным законом, такие как *чиновничество*, *земство*, *студенчество* и т. п. Это позволяет говорить о формировании устойчивых деривационных типов, используемых для обозначения социальных групп в русском языке.

Сословная организация общества, основанная на юридически закреплённом неравенстве социальных групп, была упразднена декретом «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [14], утверждённым Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов в ноябре 1917 года, что ознаменовало переход к классовой модели социальной стратификации. Однако сформированные в предшествующий период словообразовательные модели и номинации продолжили функционировать в языке, в некотором смысле отражая историческую память о прежней системе общественного устройства.

Выводы

Таким образом, в процессе эволюции общества претерпевали изменения не только его социальная структура и правовые основания стратификации, но и способы языковой репрезентации отдельных социальных групп. Диахронический анализ показывает, что на ранних этапах доминировали однословные номинации, выраженные существительными с прозрачной внутренней формой, мотивированной либо социальным статусом, либо родом деятельности, либо принадлежностью к определённой группе. На последующих этапах развития языка и общества наблюдается переход к более развернутым аналитическим моделям номинации, в частности к многочленным сочетаниям с опорным существительным люди, а также к широкому использованию

субстантивированных прилагательных, функционирующих как самостоятельные обозначения социальных категорий. В дальнейшем собирательные существительные с суффиксом -ств(о) стали характерной чертой языка эпохи сформировавшегося сословного общества: значение совокупности, свойственное данным дериватам, отражало сплочённость групп по определённым признакам и стремление государства легитимизировать различные основания отличий.

В целом, выявленные словообразовательные модели демонстрируют тесную взаимосвязь между языковыми механизмами номинации и социально-историческими условиями их функционирования. Эволюция номинаций от конкретных, индивидуализированных обозначений к абстрактным и обобщённым формам свидетельствует о переходе от преимущественно эмпирического восприятия социальной структуры к её институциональному осмыслению и юридической фиксации. Тем самым язык не только отражает изменения в социальной организации общества, но и выступает инструментом их концептуализации и закрепления.

Примечания

(1) Заметим также, что в тексте документа «Жалованная грамота дворянству» 1785 года, изданного Екатериной II, высокочастотным является использование параллельного с именем *дворянин* субстантивированного прилагательного *благородный*, например: «*Благородный имеет право по прозвании своем писаться как помещиком его поместий, так и вотчинником родовых, наследственных и жалованных его вотчин*» [12].

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Благова Н.Г. Русская социально-правовая терминология в диахронии // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 6. С. 8–13.
2. Дегтярёв В.И. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). Ростов н/Д. : Изд-во Южного федерального университета, 2014. 344 с.
3. Заварзина Г.А., Колесникова Е.И. О полевом подходе в исследовании лексико-семантической подсистемы «социальная политика» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (291). С. 190–194. DOI: 10.47438/2309-7078_2021_2_190.
4. Ключевский В.О. История сословий в России. Пг. : Литературно-издательский отдел Комиссариата народного просвещения, 1918. 299 с.
5. Колесникова Е.И. Формирование и функционирование лексико-семантического поля «Социальная политика» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2025. 28 с.
6. Леонтьева Т.В. К вопросу о составе русской «социальной лексики» // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. 2015. № 4. С. 125–133. DOI: 10.17853/2312-3281-2015-4-125-133.
7. Откидычева А.М. Лингвосемантическое описание особенностей обозначения социальны групп в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. 28 с.
8. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М. : Просвещение, 1968. 551 с.
9. Ребрина Л.Н. Новые соционимы в интернет-коммуникации 2000-2022 гг.: функционально-семантические характеристики // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. Т. 12, № 4. С. 87–97. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-4-87-112.
10. Халифаева А.К., Амирханова М.Х. Юридическое оформление крепостного права в России // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 43, № 3. С. 30–38. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-43-3-30-38.
11. Щетинина А.В., Блинова А.Н. Принципы и методы описания социальной лексики в идеографическом словаре // Научный диалог. 2017. № 10. С. 111–127. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-111-127.

Источники и словари

12. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 1785 г. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm (дата обращения: 13.04.2026).
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/ (дата обращения: 10.04.2026).
14. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов 1917 г. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/soslov.htm (дата обращения: 01.04.2026).
15. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. : Издание археографической комиссии, 1989. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/kotoshih.htm (дата обращения: 15.04.2026).
16. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. URL: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar (дата обращения: 4.04.2026).
17. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. 812 с.
18. Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 г. URL: http://museumreforms.ru/node/13645 (дата обращения: 13.04.2026).
19. Памятники Русского права / под ред. С.В. Юшкова. М. : Госюриздат, 1952. URL: https://archive.org/details/Monuments_of_Law_of_Kievan_State_Zimin (дата обращения: 16.04.2026).
20. Правда Русская / под ред. Грекова Б.Д. М. : Издательство Академии наук СССР, 1940. 505 с.

21. Свод законов Российской империи 1835 г. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/rubr/svod_zakonov_rossijskoj_imperii/ (дата обращения: 01.04.2026).
22. Словарь русского языка XI–XVII. URL: https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii (дата обращения: 11.04.2026).
23. Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm (дата обращения: 12.04.2026).
24. Советская историческая энциклопедия / под ред. Жукова Е.М. 1973-1982. URL: https://history.niv.ru/doc/encyclopedia/soviet-historical/index.htm (дата обращения: 15.04.2026).
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Астрель АСТ, 2007. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/index.htm (дата обращения: 07.04.2026).
26. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1999. Т. 1. 624 с.

References

1. Blagova, N.G. (2007) Russkaya sotsial'no-pravovaya terminologiya v diakhronii [Russian Social and Legal Terminology in Diachrony]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, (6), 8–13. (In Russian)
2. Degtyaryov, V.I. (2014) *Kategoriya chisla v slavyanskikh yazykakh (istoriko-semanticheskoe issledovanie)* [The Category of Number in Slavic Languages (Historical and Semantic Study)]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Press. 344 p. (In Russian)
3. Khalifaeva, A.K., Amirkhanova, M.Kh. (2022) Legal registration of serfdom in Russia. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*. 43(3), 30–38. Available from: doi:10.21779/2224-0241-2022-43-3-30-38. (In Russian)
4. Klyuchevskii, V.O. (1918) *Istoriya soslovii v Rossii* [History of Estates in Russia]. Petrograd, Literaturno-izdatel'skii otdel Komissariata narodnogo prosveshcheniya. 299 p. (In Russian)
5. Kolesnikova, E.I. (2025) *Formirovanie i funktsionirovanie leksiko-semanticheskogo polya «Sotsial'naya politika» v russkom yazyke. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Formation and functioning of the lexico-semantic field "Social policy" in the Russian language. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh. 28 p. (In Russian)
6. Leontyeva, T.V. (2015) Discussing the Russian „Social Lexicon". *Sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii i zarubezh'ya: obshchestvo, obrazovanie, yazyk.* (4), 125–133. Available from: doi:10.17853/2312-3281-2015-4-125-133. (In Russian)
7. Otkidycheva, A.M. (2013) *Lingvosemanticheskoe opisanie osobennostey oboznacheniya sotsial'nykh grupp v sovremennom nemetskom yazyke. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Linguosemantic description of the features of denoting social groups in modern German. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Pyatigorsk. 28 p. (In Russian)
8. Potebnya, A.A. (1968) *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. III. Ob izmenenii znacheniya i zamena sushchestvitel'nogo* [From Notes on Russian Grammar. Vol. III. On the Change of Meaning and Substitutions of the Noun]. Moscow, Prosveshchenie publ. 551 p. (In Russian)
9. Rebrina, L.N. (2023) New socionyms in internet communication 2000–2022: functional and semantic characteristics. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*. 12(4), 87–97. Available from: doi:10.12737/2587-9103-2023-12-4-87-112. (In Russian)
10. Shchetinina, A.V., Blinova, A.N. (2017) Principles and Methods for Describing Social Vocabulary in the Ideographic Dictionary. *Nauchnyy dialog*, 10, 111–127. Available from: doi:10.24224/2227-1295-2017-10-111-127. (In Russian)
11. Zavarzina, G.A., Kolesnikova, E.I. (2021) On the field approach in the study of the lexical-semantic subsystem „Social Policy". *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University]. 2, 190–194. Available from: doi:10.47438/2309-7078_2021_2_190. (In Russian)

Sources and Dictionaries

12. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Russkii yazyk publ. 624 p. (In Russian)
13. Dal', V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/ [Accessed 10th April 2026]. (In Russian)
14. *Dekret ob unichtozhenii sosloviy i grazhdanskikh chinov 1917 g.* [Decree on the Abolition of Estates and Civil Ranks 1917]. Available from: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/soslov.htm [Accessed 1st April 2026]. (In Russian)
15. Fasmer, M. (2007) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Astrel' AST publ. Available from: https://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/index.htm [Accessed 7th April 2026]. (In Russian)
16. *Gramota na prava, vol'nosti i preimushchestva blagorodnogo rossiyskogo dvoryanstva 1785 g.* [Charter on the Rights, Liberties and Advantages of the Noble Russian Nobility 1785]. Available from: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm [Accessed 13th April 2026]. (In Russian)
17. Grekov, B.D. (ed.) (1940*) Pravda Russkaya* [Russkaya Pravda]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR publ. 505 p. (In Russian)
18. Kotoshikhin, G.K. (1989) *O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha* [On Russia during the Reign of Aleksey Mikhaylovich]. Available from: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/kotoshih.htm [Accessed 15th April 2026]. (In Russian)

19. Kuznetsov, S.A. (2000) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Available from: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar [Accessed 4th April 2026]. (In Russian)
20. Lopatin, V.V. & Ulukhanov, I.S. (2016) *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word-Formation Affixes of the Modern Russian Language]. Moscow, Azbukovnik publ. 812 p. (In Russian)
21. *Manifest Petra III «O darovanii vol'nosti i svobody vsemu rossiyskomu dvoryanstvu» 1762 g.* [Manifesto of Peter III "On the Granting of Liberty and Freedom to the Entire Russian Nobility" 1762]. Available from: http://museumreforms.ru/node/13645 [Accessed 13th April 2026]. (In Russian)
22. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries]. Available from: https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii [Accessed 11th April 2026]. (In Russian)
23. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* (1961) [Sobornoe Ulozhenie of 1649]. Available from: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm [Accessed 12th April 2026]. (In Russian)
24. *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii 1835 g.* [Code of Laws of the Russian Empire 1835]. Available from: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/rubr/svod_zakonov_rossijskoj_imperii/ [Accessed 1st April 2026]. (In Russian)
25. Yushkov, S.V. (ed.) (1952) *Pamyatniki Russkogo prava* [Monuments of Russian Law]. Moscow, Gosyurizdat publ. Available from: https://archive.org/details/Monuments_of_Law_of_Kievan_State_Zimin [Accessed 16th April 2026]. (In Russian)
26. Zhukov, E. M. (ed.) (1973–1982) *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Available from: https://history.niv.ru/doc/encyclopedia/soviet-historical/index.htm [Accessed 15th April 2026]. (In Russian)

Поступила в редакцию 17.04.2026
Подписана в печать 30.06.2026

Original article
UDC 81`373.611
DOI: 10.47438/2309-7078_2026_2_237.

WORD-FORMATION PATTERNS FOR THE NOMINATION OF SOCIAL CLASSES IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 17th–19th CENTURIES

Evgenii V. Shapovalenko[1]

Immanuel Kant Baltic Federal University[1]
Kaliningrad, Russia

[1]*Cand. Philol. Sci., Docent of the Institute of Education and the Humanities,*
ORCID ID: 0000-0002-7045-4310, tel.: 8 (921) 104-96-58, e-mail: eshapovalenko1@kantiana.ru

Abstract. The article examines word-formation models used to nominate social estates in Russian from a diachronic perspective (11th–19th centuries). The research material includes major legal monuments: Russkaya Pravda (11th–12th centuries), the Sobornoe Ulozhenie of 1649, the Manifesto of Peter III "On the Granting of Liberty and Freedom to the Entire Russian Nobility" (1762), the Charter on the Rights, Liberties and Advantages of the Noble Russian Nobility (1785), and the Code of Laws of the Russian Empire (1835). The methodology combines structural-word-formation, functional-semantic, and linguoculturological analysis correlated with the historical and legal context. It is established that the early period is characterized by the predominance of single-word nominations with a transparent inner form, while the 17th century is dominated by various types of attributive constructions. In the 18th–19th centuries, a system of collective nouns with the suffix *-ств(о)* is formed, which reflects the institutionalization of the estate structure of society.

Key words: diachronic word formation, estate nomination, socionyms, suffix *-ств(о)*, substantivization, attributive constructions, legal texts, social stratification

Cite as: Shapovalenko, E.V. (2026) Word-formation patterns for the nomination of social classes in the Russian language of the 17th–19th centuries. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University.* (2), 237–243. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2026_2_237–243.

Received 17.04.2026
Accepted 30.06.2026